

Когнитивные исследования Cognitive Research

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759

УДК: 811.161.1'37:801.73:004.8

Научная статья / Research article

Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты)

В.В. Волков

Тверской государственный университет
ул. Желябова, 33, Тверь, Российская Федерация, 170100
volk7valery@yandex.ru

Цель исследования — моделирование семантических процессов при герменевтической интерпретации русского терминологического словосочетания *искусственный интеллект* в сопоставлении с существительным *ум*. Актуальность работы обусловлена тем, что «наивные» (то есть не обладающим специальными познаниями) носители языка склонны отождествлять (1) ум, (2) интеллект, (3) те имитации когнитивной деятельности человека, которые связаны с использованием автоматов и компьютерной техники. Семантика существительного *ум* соотносится со всем, что связано с *сознанием* во всех его проявлениях; в этом смысле понятие «ум» оказывается в числе «первичных», которые корректному определению не поддаются. Слово *интеллект* фиксирует лишь некоторую «часть ума», а именно — мыслительные способности. Человеческий ум, сознание — вне возможностей компьютерной имитации; интеллект, понимаемый как «мыслительные способности», техно-электронному моделированию частично поддается. Термин *искусственный интеллект* выстроен как «двойная синекдоха»: 1) часть вместо целого (*интеллект* как часть — *ум* как целое); 2) целое вместо части (*интеллект* как целое — репрезентирующий это целое набор электрических импульсов в компьютере — *механизме для работы с данными*). Семантический результат составляет основание идеологии трансгуманизма, которая базируется на отождествлении ума, интеллекта, компьютерных имитаций. Термин *искусственный интеллект* в стилистическом и культурологическом отношении: 1) персонификация механизма (робота, автомата, компьютера), 2) деперсонификация личности (человека); в целом — деперсонифицирующая травестия. Персонификация виртуального имитационного «интеллекта» и деперсонификация реального, подлинного интеллекта / ума интерпретируется как нейтрализация привативной антонимической оппозиции, как формирование виртуального «среднего члена», что соотносится с «расчеловечиванием человека» как фундаментальной проблемой современности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, синекдоха, травестия, манипуляция сознанием

© Волков В.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 12.08.2020

Дата приема в печать: 15.09.2020

Для цитирования:

Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 745—759. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759

UDK: 811.161.1'37:801.73:004.8

Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguoamental Aspects)

Valery V. Volkov

Tver State University

St. Zhelyabova, 33, Tver, Russian Federation, 170100

volk7valery@yandex.ru

Abstract. The study aims to make a model of the semantic processes taking place during hermeneutic interpretation of the Russian terminological word-combination *искусственный интеллект* (*artificial intelligence*) in comparison with the noun *ум* (*mind*). The relevance of the work is due to the fact that “naïve” (i.e., who does not have special knowledge) native speakers tend to identify (1) mind, (2) intelligence, (3) those imitations of human cognitive activities that are associated with the use of automata and computer equipment. The semantics of the noun *ум* (*mind*) refers to everything that is connected with *consciousness* in all its manifestations; in this sense, the concept of “mind” is among the “primary concepts” that cannot be correctly defined. The word *интеллект* (“intelligence”) captures only a certain “part of the mind”, namely, the cognitive abilities. The human mind, consciousness is beyond the capabilities of computer imitation; intelligence, understood as “cognitive abilities”, is partially amenable to techno-electronic modeling. The term *искусственный интеллект* (*artificial intelligence*) is constructed as a “double synecdoche”: 1) a part instead of a whole (“intelligence” as a part — “mind” as a whole); 2) a whole instead of a part (“intelligence” as a whole — representing this whole set of electrical impulses in the computer — “a mechanism for working with data”). The semantic result is the basis of the transhuman ideology, which is based on the identification of the mind, intelligence, and computer simulations. The term “artificial intelligence” in stylistic and cultural aspects: 1) personification of the mechanism (robot, automaton, computer), 2) depersonification of the person (human); in general — depersonificational travesty. The personification of virtual simulation “intelligence” and depersonification of real, authentic intelligence / mind are interpreted as the neutralization of privative antonymic opposition, as the formation of a virtual “middle element”, which is related to the “dehumanization of human race” as a fundamental problem of our time.

Key words: artificial intelligence, cognitive linguistics, philological hermeneutics, synecdoche, travesty, consciousness manipulation

Article history:

Received: 12.08.2020

Accepted: 15.09.2020

For citation:

Volkov, V.V. (2020). Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguoamental Aspects). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4), 745—759. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759

Введение

Постановка проблемы и ее актуальность. В самых разнообразных публичных и профессиональных дискурсах последовательно углубляется тенденция к отождествлению искусственного «интеллекта» и человеческого ума, компьютера/робота как материальных носителей программируемого (искусственного) «интеллекта» и человека как биосоциодуховного существа. Специалисты понимают, что это отождествление условно, что на деле это не собственно отождествление, но лишь уподобление по некоторым параметрам, связанным с накоплением, хранением, обработкой, систематизацией и использованием каких-либо данных («человеческие» корреляты машинных данных — это *сведения, информация*) в целях оптимизации управления производственными и социальными процессами. Тем не менее смысловые смещения в массовом восприятии, понимании и интерпретации фундаментальной оппозиции «машина — человек» усиливаются. Компьютеризированные механизмы, наряду с ролью помощников человека, все чаще оказываются фактическими организаторами и руководителями, вытесняют своих создателей на обочину жизни. Сотрудничество или соперничество? Или более жёстко: замещение и вытеснение? Так теперь нередко формулируется давняя проблема «человек и машина», на острие которой — «искусственный интеллект», как понятие и как реальность.

Объект данного исследования — понятие «искусственный интеллект» и лингвистически опредмечивающее его словосочетание *искусственный интеллект*, которые рассматриваются как семантически оппозитивные в двух типах дискурса — константном (с профессиональной точностью отображающем реальное положение дел) и виртуальном («наивном» дискурсе предположений и домыслов) — в существенно различающихся значениях и смыслах, которые ставят это словосочетание на грань между расходящейся междискурсивной синонимией и омонимией.

Цель исследования — семантическое моделирование процессов понимания и герменевтической интерпретации русского терминологического словосочетания *искусственный интеллект*. Достижение данной цели основывается на решении следующих задач: 1) пошаговое истолкование словосочетания *искусственный интеллект* на основе выявления существа семантических оппозиций *интеллект — ум, искусственный — естественный*; 2) реконструкция смыслов данного словосочетания в профессиональных дискурсах (компьютерная техника, программирование) в оппозиции виртуальным дискурсам (непрофессиональные пользователи, сторонние «наивные» наблюдатели, не обладающие специальными познаниями); 3) интерпретация полученных результатов (феноменолого-герменевтический синтез).

Методы. Процессы понимания и интерпретации моделируются на основе методов когнитивной лингвистики и филологической герменевтики как «искусства постижения смысла и значения знаков» [1. С. 144], базирующе-

гося на лексико-семантическом анализе (толкования авторитетных словарей, компонентный анализ семантики и т.д.).

Теоретической базой исследования является лингвистическая семантика, филологическая и философская герменевтика, в особенности работы М.М. Бахтина («участное мышление» [2]), Г.-Г. Гадамера [3] и традиции тверской герменевтической школы [4], нашедшие отражение, в частности, в работах автора о лингвокультурном концепте «Человек» [5], понятии «цифровая экономика» [6] и др.

Теоретическую основу данной работы составляет оппозиция «константное — виртуальное» и понятие «превращенная форма», фиксирующее когнитивный механизм перехода от константного к виртуальному. Термин *константная реальность* мы используем в значениях типа «объективная реальность», «то, что дано в непосредственном эмпирическом наблюдении», с тем чтобы отграничить от «реальности» виртуальной (предполагаемой, воображаемой, фантазийной). Соответственно противопоставляем константный и виртуальный дискурс — как речь / высказывание о реальном / воображаемом. Необходимость такого разграничения сопровождает человечество во всей его истории, в настоящее время становится все более острой. Исторически дальний аналог константного и виртуального — разграничение Аристотелем в «Поэтике» истории (факт) и рассказа (вымысел), противопоставление «историка» и «поэта», когда «один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть» [7. С. 655]. По удачной формулировке М.К. Мамардашвили, «...с точки зрения научного знания превращенная форма является воспроизведением предмета в виде представления о нем...» [8. С. 261]. В нашем случае это «превращенное» (виртуализованное) представление о машинном интеллекте как эквиваленте человеческого ума, которое опирается, в свою очередь, на «превращенное» представление о человеческом уме лишь как о способности выполнять когнитивные операции, поддающиеся формализации.

1. Интеллект, «интеллект» и человеческий ум

У существительного *интеллект* много синонимов — через сущ. *ум* как доминанту синонимического ряда, еще больше квазисинонимов и синонимоподобных слов (симиляров) — опять-таки через *ум*, уже как дескриптор неопределенно обширного лексико-семантического поля. Лингвистически тонкие семантические различия между, например, *ум*, *разум*, *рассудок*, *Логос*, *мышление*, *сознание*, *понимание*, *интеллект* — в рамках других областей гуманитарного (и не только) знания предстают как некие «разграничительные пропасти», что отчетливо проявляется уже в сочетаемости — приемлемой и неприемлемой, ср.: *разум Вселенной / вселенский разум*, *разумная Вселенная* — при очевидной некорректности (если не языковая игра, а «сфера серьезного») **ум Вселенной* или **умная Вселенная*; *абстрактное мышление* — при **абстрактный рассудок* как «лексической ошибке»; нако-

нец, то, что интересует нас в данной работе в первую очередь: узуальное терминологизированное словосочетание *искусственный интеллект* — при неприемлемости **искусственный ум*.

Узуальность — недопустимость словосочетаний *искусственный интеллект* — **искусственный ум* можно использовать как «точку входа» в задачу разграничения (собственно) *ума* — и *интеллекта* как некоей «умственной» способности, как задачу лингвистически (точнее, лингвогерменевтически) корректного выяснения, чем *интеллект* от *ума* существенно отличается. Чаемая исследовательская перспектива — ответ на вопрос, почему *искусственный интеллект* (если не отождествлять с *умом*, то можно в этом словосочетании *интеллект* писать и без кавычек) может быть сконструирован и успешно конструируется, тогда как **искусственный ум* никакой техноэлектронной (компьютерной) имитации не поддается.

Словари пасуют перед задачей строгого толкования существительного *ум*: гиперонима нет, синонимы типа *рассудок* неудовлетворительны, отсюда — толкования через действия / процессы, каузатором / средством реализации которых является *ум*, ср.: «Ум... Способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» [9. С. 1385]. Заметим: *мысль / мыслить, понимать / понимание, познавать / познание* — это **продукты** деятельности *ума*, из которых совершенно не ясно, что же такое «сам» *ум*. И ещё: в цитированном толковании *ум* — это «способность человека», — именно *способность* и именно *человека*, потому что только у человека есть *способности* (если говорят «способности» о машине, то имеют в виду «функции») и есть *ум* (специфически человеческий).

Вывод: *ум* — в числе так называемых «первичных понятий», которые интуитивно ясны, однако поддаются лишь *разъяснению*, но не *определению* (таковы, наряду с *умом, сердце* в его интимно-духовном смысле, *Истина* — с заглавной буквы, *душа* и т.д.).

В качестве разъяснения можно привлечь межъязыковой древнегреческий синоним *ума*, иногда используемый в качестве философского термина. Энциклопедическое определение А.Ф. Лосева: «Нус (греч. νοῦς — ум, разум) — одна из основных категорий античной философии, представляющая собой обобщение всех смысловых, разумных и мыслительных закономерностей, царящих в космосе и в человеке» [10. С. 104]. Таким образом, *ум*, если его понимать как *нус*, — это «обобщение» всего, что связано с разумом, со смыслами, с целостным человеческим сознанием.

Интеллект — некоторая «выделенная» для каких-то вполне обозримых целей «часть» целостного *ума*, по словарному толкованию — «мыслительные способности человека» [9. С. 395]. Существо деятельности *интеллекта* можно усмотреть в латинском этимоне, ср.: *intellectus* ‘ощущение, восприятие; разумение, понимание; понятие, рассудок; смысл, значение’ — от *intellegere* ‘ощущать, воспринимать, подмечать, замечать; познавать, узнавать, мыслить’ < *intel-* / *inter-* ‘между, посреди > внутри > взаимо...’ + *legere*

‘собирать; выщипывать, вынимать, извлекать; сматывать, наматывать, скручивать; подбирать, выбирать, набирать; принимать; видеть, различать взором’ [11. С. 540—541, 584]. Таким образом, в семантическом этимоне *интеллекта* как «мыслительной способности» в качестве ключевых выступают компоненты «собирать воедино» то, что может быть подмечено, найдено, «выщипано» из доступного наблюдению.

Вывод: интеллект работает с частями, аналитически, — это когнитивный механизм для оперирования с «отдельностями» внутри целого; о наличии целого интеллект все-таки «знает», но его смыслов «своими собственными силами» не схватывает. Со значением и смыслами целого работает ум. По отношению к уму как свойству **всего** человека, превышающему его одни только «мыслительные способности», *интеллект* — лишь малая часть. У человека много атрибутов, фиксируемых терминологизирующими именованными типа *homo sapiens / religiosus / socialis / politicus / creativus* и т. д. (подробнее см.: [5]); все они требуют *ума* в его способности видеть мир и себя в нем как **целое**, — при вспоможении интеллекта с его способностью «выщипывать» и «собирать воедино» частности.

Вечная антиномия анализа и синтеза: разобрать на части *интеллект* (= *рассудок*) может что угодно, а вот «собрать заново» что-то мало-мальски сложное — задача для него непосильная. Примеры: любой живой организм, государство, художественное произведение (если оно настоящее), сакральные смыслы мировых религий... Только *ум* человеческий с этим как-то справляется.

2. Искусственный «интеллект» и «естественный» ум

В словосочетании *искусственный «интеллект»* существительное «*интеллект*» — в кавычках, в целях акцентировки, что в данном случае «интеллект» не следует отождествлять с *умом*; в лексически некорректном словосочетании «*естественный ум*», которое в работе школьника учитель пометил бы как речевую ошибку, в кавычках прилагательное — в целях акцентировки, что автор допускает «ошибку» намеренно, с тем чтобы подчеркнуть: «естественность» — неотъемлемое свойство *ума*, его атрибут, сема ‘естественный’ в значении слова *ум* и без того незримо присутствует. Словосочетанию **искусственный ум язык* тоже сопротивляется, хотя по-другому: это оксюморонная бессмыслица — «сочетание несочетаемого», как *сухая жижа* или *мокрый самум*. Разумеется, можно говорить, к примеру, об *искусственной мудрости*, но только с тем, чтобы иронически отметить: это никакая не мудрость, а симуляция.

Национальное русское сознание, опредмеченное в языке и закономерностях использования его единиц, свидетельствует: 1) **ум не может не быть естественным**, откуда и плеонастичность — семантическая тавтология лексически неприемлемой конструкции **естественный ум*; 2) **интеллект мо-**

жет быть искусственным, но только если он «не совсем ум», — если он сконструирован как бы из детских кубиков — алгоритмических ходов, наподобие любых других изделий, продуктов изобретательного человеческого ума. Иными словами: *искусственный «интеллект»* — плод деятельности человеческого *ума*, тогда как «сам ум» — органичный атрибут человека, сущностно неотъемлемое его качество.

Различие между *«естественным» умом* и *искусственным «интеллектом»* — частный случай оппозиции органического (естественного) и механического (искусственного), *живого* и *неживого*, *организма* — *изделия*. В любой изготовленной человеком вещи, в отличие от естественного организма, при всем возможном внешнем сходстве, — в любой *изготовленной* вещи, по мудрому замечанию в ранней работе В.В. Розанова, недостает *жизни* [12. С. 238]. Есть имитация подлинного бытия, — но не само бытие. Поскольку, однако, эта очевидность в современных условиях неочевидна, необходимы разъяснения.

Искусственный «интеллект» часто ассоциируют с *роботом*. По академическому толкованию, *робот* — «автоматизированное устройство, предназначенное для замены человека при выполнении монотонных или опасных работ» [9. С. 1125]. Как видим, ничего об «интеллекте».

Предположим, что академический словарь дает упрощенное толкование. Спросим: какой механизм можно считать роботом — то есть устройством, способным к выполнению каких-либо работ без участия человека? Приведем простой (обобщение из научно-популярной литературы), без каких-либо специальных подробностей вариант объяснения, провокативно включающей такие стандартизованные метафорические характеристики деятельности робота, которые подспудно отождествляют его с человеком. Механизм — робот, если он может автономно выполнять следующие операции: 1) «восприятие действительности» (снимая метафору «восприятие», получаем: «(автоматический) ввод данных о положении дел в действительности»); 2) обработка данных и принятие решения (снимая метафору, получаем: «принятие решения» = «(выводные) данные о действиях, необходимых при наличном положении дел»); 3) (автоматическое) выполнение действий по реализации «решения».

Этим критериям соответствует огромное количество механизмов, в том числе имеющихся в большинстве современных домашних хозяйств, например: холодильник, способный автоматически включаться-выключаться в целях поддержания необходимой температуры; стиральная машина, на основе заданной программы регулирующая подачу воды, температуру, и др. Все это можно называть (и всё чаще в последнее время называют) «интеллектуальными системами». Технически точные названия — без метафорического или метонимического отождествления с человеком, акцентирующие его «неприсутствие», — термины советских времен *автопилот*, *автоматизированная система управления (АСУ)*, *станок с числовым программным управлением*

(ЧПУ), в космонавтике — *полет в автоматическом режиме*, новое сочетание с прил. *беспилотный*: *беспилотный летательный аппарат (БПЛА)* и т. д.

Лингвогерменевтическая некорректность использования понятия «интеллект» применительно к различным автоматизированным системам основывается прежде всего на отождествлении понятий «информация» и «сигнал» (материальная «оболочка» информации). Искусственный «интеллект» (= робот) не «воспринимает информацию», — ему поступает *входящий сигнал*. *Информация* как сведения о чем-либо обладает актуальной бытийностью тогда и только тогда, когда есть тот, кто ее **воспринимает**, — а это человек. «Интеллектуальный» механизм, компьютер, — *получает сигналы* в виде набора электронных импульсов, в которых закодирована информация.

Выводы: 1) **информации** как «сведений», имеющих некоторый смысл, **для машины** (для компьютера, любой степени «совершенства», любой их совокупности) **не существует**; машина имеет дело с наборами электрических импульсов, «смысл» которых находится за пределами «компетенции» машины; 2) **мыслить** (как человек) **машина не может**, поскольку мыслить — значит, обладая (само)сознанием, иметь дело с информацией, а не с наборами электрических импульсов и набором (сколь угодно сложных) команд по их преобразованию; 3) выполнять отдельные **операции с электрическими импульсами** (которые человек воспринимает как информацию) **машина может**.

Отсюда: 1) если понятие «искусственный интеллект» мы соотносим с якобы наличной у машины способностью мыслить как человек, то «искусственный интеллект» — симулякр, броский словесный ярлычок, не отражающий существа машинной «начинки» и существа производимых ею действий; 2) если понятие «искусственный интеллект» мы соотносим с наличными у машины возможностями преобразовывать наборы электрических импульсов, которые для человека соотносятся с понятием «информация», то «искусственный интеллект» — полезная реальность.

Особого внимания заслуживает (квази)терминологическая метафора *умный дом*. По сути — автоматизированная система для управления механизмами, которые есть в здании / квартире. Однако определение *умный* провоцирует представления именно об «интеллекте» (искусственном). Поясним кратко: обычный дом, где живет обычная хорошая семья, «умён» не потому, что напичкан электронными приспособлениями и общей системой правления, а потому, что — говоря метафорически — напичкан доброй душевной энергией живущих в нем людей. Электронными приспособлениями дом может быть (лишь) механизирован, — но не одушевлен (умом).

3. Термин *искусственный интеллект* как футуристическая синекдоха, деперсонифицирующая травестия

Термин *искусственный интеллект* выстроен как специфическая разновидность метонимии — синекдоха, причем как «двойная синекдоха»:

1) часть вместо целого (*интеллект* как часть — *ум* как целое); 2) целое вместо части (*интеллект* как целое — репрезентирующий это целое «набор электрических импульсов в компьютере — машинном носителе “интеллекта”»). Синекдоха, часто выступающая как регулярная метонимия (ср. метонимизации со стертой образностью типа *сто голов скота*, *лучшая ракетка сезона* и т. п.), плохо идентифицируется языковым сознанием именно как троп; автоматизмы семиозиса на выходе восприятия дают безобразно-референциальные семантизации, ср.: *сто голов скота* > «сто (сельскохозяйственных) животных», *лучшая ракетка сезона* > «лучший теннисист сезона». В случае словосочетания *искусственный интеллект* семантические изменения (прежде всего метонимическое расширение / сужение значения сущ. *интеллект*) как «двойная синекдоха» не осознаются, в силу чего словосочетание *искусственный интеллект* неосознанно воспринимается / семантизируется как некий «машинный ум», в смешении (собственно человеческого) *ума* и компьютерной программной «начинки».

Результат: «наивное сознание» (1) склонно отождествлять искусственный «интеллект» с человеческим умом и, соответственно, машину (какой-то «особый» автомат, компьютер) и человека; коррелятивная стилистическая фигура — олицетворение, **персонификация механизма** (робота, автомата, компьютера); (2) склонно отождествлять человека с механизмом, воспринимать человека как некий «биологический недокомпьютер»; коррелятивная стилистическая фигура — овеществление, **деперсонификация организма / личности** (человека).

«Константное», профессионально выверенное (объективное) значение термина *искусственный интеллект* в профильной литературе трактуется через ключевую сему ‘имитация’, как проблема разработки программных средств для «оперирования структурами символов»; ограничимся двумя иллюстрациями: «**Искусственный интеллект**... Область информатики, занимающаяся научными исследованиями и разработкой методов и средств для правдоподобной имитации отдельных функций человеческого интеллекта с помощью автоматизированных систем» [13. С. 222]; «...научная проблема создания методов, позволяющих использовать человеческие представления для оперирования структурами символов; кибернетические устройства, создаваемые для решения этой проблемы» [14. С. 409].

Искусственный интеллект как часть информатики — междисциплинарной области знания и практики, основывающейся на программировании / компьютерном моделировании, на использовании компьютерной техники, — не что иное, как «машина (компьютер) + базы данных + программные средства» («хард + софт») для выполнения операций с формализованной информацией (данными); в части «софт» — совокупность алгоритмов (в том числе алгоритмов, позволяющих создавать / пересоздавать алгоритмы, что метафорически именуют словом *обучение*) для обработки квантов формализованной (представленной в двоичном коде) информации (данных).

Важно подчеркнуть: искусственный «интеллект» обрабатывает не собственно информацию (= содержание знаков), но «оболочки» знаков (= план выражения), материальные репрезентанты (в естественном языке — последовательности звуков или букв, в машинном коде — символы двоичной, шестнадцатеричной или иной системы счисления), которые формально опредмечивают содержания, делают их пригодными для машинной обработки. Содержание знаков — вне возможностей искусственного «интеллекта», по отношению к нему содержание (= информация) находится в совершенно иных измерениях бытия.

Термин *искусственный интеллект* — если воспринимать его не в константном, профессионально выверенном значении, а в значении виртуальном, футуристически-оптимистически отождествляющем человека и машину (человеческий ум и машинный «интеллект»), оказывается органичной частью языкового обеспечения трансгуманистического дискурса. Главная опасность трансгуманизма — не в потенциальной «замене» человека машиной (хотя эта опасность велика), но в **идеологии расчеловечивания человека**. Резко и точно об этой опасности пишет С.С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя). <...> Этак зайти можно далеко! — и вот уже ситуация обретает колорит трагикомический и травестийный. В проекте — невообразимое, не снившееся никогда усиление мощи интеллекта, создание “суперинтеллекта”, — но вести нас к суперинтеллекту собираются, похоже, крикливые пиарщики с куриным интеллектом и одержимые с интеллектом, развитым вдоль одной прямой линии, — убежденные, по свидетельствам, что “человек — машина из мяса, носящая в черепае компьютер”» [15. С. 30].

«Двойная синекдоха» термина *искусственный интеллект*, в стилистическом отношении представляющая как совмещение персонификации и деперсонификации, в культурологическом отношении (в литературоведческой, искусствоведческой и других гуманитарных проекциях) может быть интерпретирована как **деперсонифицирующая травестия**. Основание такой аналогии в следующем. В литературоведении **травестия**: «Тип комической имитации, при которой автор заимствует темы, сюжетные мотивы или отдельные образы известного чужого сочинения и посредством неподходящих, “низких” литературных форм трансформирует его смысл» [16. С. 1079]. Когда говорят, например, *Компьютер думает*, — это деперсонифицирующая травестия по отношению к глаголу *думать*, пресуппозитивно включающему сему ‘человек’.

Аналогия: комбайн, «убирающий» пшеницу, так сказать, «понятия не имеет», что именно оказывается объектом его манипуляций, — что это за материальные объекты, которые срезаются, обмолачиваются, какие-то части из обмолоченного (зерно) провеиваются и перемещаются в бункер, а какие-то другие части (солома) отправляются в другую сторону. Что представляет

собой зерно, что солома, комбайну совершенно «не интересно»: есть алгоритм (автоматика), и этот алгоритм выполняется. Подобно комбайну, компьютер — это не интеллект, а интеллект — это не ум.

4. Искусственный «интеллект» как виртуальный «средний член» привативной оппозиции

Лингвистическая составляющая проблемы искусственного «интеллекта» фундируется оппозицией «константное (реальное) — виртуальное». Характерная примета нашего времени — размытость границ между реальным и виртуальным. Прилагательное *реальный* входит в ряд узуальных, крепко утвердившихся в системе языка антонимических оппозиций комплементарного, «дополнительного» характера, существо которых (напомним), в отличие от контрарных, — в отсутствии «среднего члена» [17. С. 15—17]. Если, например, у пары *толстый — тонкий* есть «средний член» и разные градуальные вариации (*претолстый, тонковатый* и т. п.), то отношения *реально-го* со своей противоположностью строятся в логике «или — или»: *реальный — идеальный, нереальный, фантастический, сказочный, вымышленный* и т. д., в современном общем случае — *виртуальный*. Субстанциальной «середины» нет; если она появляется, то как плод человеческих мечтаний и фантазий, часто — порождение «сумерек разума».

Комплементарные (привативные) антонимические оппозиции «естественное — искусственное», «реальное — виртуальное», равно как и их более очевидный аналог «живое — мертвое», не могут включать так называемый «средний член», поскольку *мертвый* = «неживой», ср.: *полумертвый* или *полуживой* — это «всё-таки живой», а не некое существо «между (биологической) жизнью и смертью». Аналогично: виртуальное (нарисованное, воображаемое и т. д.) яблоко — это *не* реальное яблоко, поскольку реального яблока, которое можно понюхать и съесть, — нет, есть только изображение (воспоминание о..., мечта о...) яблоке, но не самó (реальное) яблоко. Так же точно и с другими феноменами «виртуальной реальности».

«Средний член» появляется при трансформации комплементарной оппозиции в контрарную («между» тем и другим, со свойствами того и другого одновременно). Трансгуманистическая идеология расчеловечивания человека проявляется как нейтрализация привативных оппозиций — разупорядочение, «семантический паралич», погружение в десемантизованный «средний член». Разупорядоченная виртуальность — «недобытие», «послебытие», «вместобытие»? Показательный пример из триллеров, компьютерных игр и т. п.: место «среднего члена» в оппозиции «живое — мертвое» занимают виртуальные «живые мертвецы» — *зомби*. Оксюмороны типа *живой труп, оживший мертвец* обретают виртуально-референциальное конкретно-предметное означаемое. Печально: ныне все больше людей, которые убеждены в приближении реального «зомби-апокалипсиса», даже готовятся к

нему. Заметим: в проекции на вопрос об искусственном «интеллекте» представляет интерес лингвогерменевтическое исследование модных современных лексем *зомбировать / зомбирование* (например, *политическое зомбирование населения*); общее решение может иметь следующий вид: *зомбирование* (как средство ментального воздействия на человека / население) = «отключение ума при (частичном) сохранении интеллекта».

Применительно к искусственному «интеллекту»: он «живой» или «неживой»? Другими словами: он есть (в пространстве реального) или его там нет? Или он в промежутке «между»? Если этот «промежуток» (виртуальный «средний член» привативной оппозиции) на наших глазах формируется, то применительно к «естественному» уму следует предположить, что налицо пошаговая «виртуализация» ума через ряд «превращенных форм», иными словами — ниспадение ума (и «целого» человека) из константного (реального) в виртуальное, ср.: (собственно) *ум* → *интеллект* → *искусственный интеллект*. В параллель этим трем ступеням: («целый») *человек* → *интеллектуал* → *компьютер / робот*. Заметим: в академическом толковании сущ. *интеллектуал* («Человек с высокоразвитым интеллектом, занимающийся интеллектуальным трудом» [9. С. 395]) сема ‘ум’ не представлена. Следствие: если *интеллект* — это «частичный» ум, то *интеллектуал* — человек с таким же «частичным» умом. Дальнейшие соображения: если *зомби* — «оживший мертвец» (путь к середине привативной оппозиции «от мертвого»), то, во встречном движении, *робот* — носитель «омертвевшего интеллекта» (к середине «от живого»).

По представлениям, идущим из античности, вещь («материя») обретает определенность через форму, которая дает вещи смысл, а значит — существование. Если убрать из вещи смысл, она исчезнет. Если «вещь» лишь симулирует присутствие смысла, подобно тому, как искусственный «интеллект» симулирует присутствие ума, то приходится спрашивать: а существует ли эта вещь? Так вопрос о нейтрализации привативной оппозиции «реальное — виртуальное» смыкается с вопросом не только о «расчеловечивании человека», но и о самом его существовании.

Заключение

Содержание слова «наивное» языковое сознание склонно воспринимать как содержание (объективного) мира. Однако слово может сообщать не только о константном (реальном), но и о виртуальном (предполагаемом, фантазийном). Какое именно содержание схватывается сознанием?

«Наивное» сознание склонно отождествлять *интеллект* с *умом*, воспринимать эти слова как полные синонимы. Однако *ум* как понятие «первичное», не поддающееся внятному определению, доступное лишь косвенному, «намекающему» объяснению, значительно шире *интеллекта*, который представляет собой лишь часть ума, а именно — «мыслительные способности».

Если писать словосочетание *искусственный интеллект* без кавычек, отождествляя при этом *интеллект* (искусственный) с человеческим *умом* (естественным), то мы имеем дело с фантазийной (виртуальной) реальностью, с воображаемым феноменом, поскольку искусственный «интеллект» работает не с информацией как таковой, но лишь с сигналами о ней — с материальной оболочкой смыслов, восприятие и понимание которых — вне возможностей, вне «компетенции» искусственного «интеллекта», который де-факто имеет дело лишь с электрическими импульсами и набором команд по оперированию с ними.

Искусственный «интеллект», трактуемый как сообразный человеческому или даже его превосходящей, — результат аберрации восприятия, когнитивное заблуждение, продукт «превращенного сознания» («превращенной формы сознания»).

Термин *искусственный интеллект* — футуристическая «двойная синекдоха»: с одной стороны, сущ. *интеллект*, именующее лишь «часть» ума, используется в значении целого; с другой стороны, сущ. *интеллект* в сочетании с *искусственный* используется как именование «целого» интеллекта, тогда как на деле речь идет о наборе электрических импульсов в компьютере.

В стилистическом отношении эта «двойная синекдоха» выступает как фигура персонификации механизма (компьютера) и деперсонификации личности (человека) соответственно. В лексико-семантическом отношении персонификация виртуального «интеллекта» и деперсонификация константного (реального) интеллекта / ума интерпретируется как нейтрализация комплементарной (привативной) антонимической оппозиции, как формирование виртуального «среднего члена», что в более общем плане соотносится с «расчеловечиванием человека» как фундаментальной проблемой современности.

Выявленные особенности семантики именованного *искусственный «интеллект»* побуждают спросить: в чем источник аберрационных лингвоментальных явлений? Коллективное бессознательное, плененное новым техно-электронным «могуществом» и теми соблазнами (гипер)благоустройства, которыми оделяет людей нынешний цивилизационный техноцентризм, — или какие-то социальные / профессиональные группы, какие-то личности / гласные или негласные лидеры мнений?

Думается, существо пути в поисках ответов — в прекрасной формулировке А.Ф. Лосева («Философия имени»): «Чтобы пробиться к предмету слова, к предметной сущности, мы должны были пройти сквозь слой идеи...» [18. С. 647]. В нашем случае: пробиться от наивно-виртуальных (футуристически-фантазийных) представлений об искусственном «интеллекте» как некоем машинном варианте человеческого ума — к пониманию, что же такое человеческие ум и интеллект «на самом деле» и чем его / их носители (люди) радикально отличаются от любого «мыслящего» механизма, сколь бы совершенным он ни представлялся.

Библиографический список

1. Микешина Л.А. Герменевтика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 144—145.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика в Тверском университете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2001. no 5. С. 86—91.
5. Волков В.В. Семантическое ядро концепта «Человек» в зеркале латинских и латинизированных именованый // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 1. С. 83—92.
6. Волков В.В. «Цифровая экономика»: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. no 7. С. 135—139.
7. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
8. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.
10. Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967.
11. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
12. Розанов В.В. О Понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006.
13. Дорот В.Л., Новиков Ф.А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. СПб.: БХВ-Петербург, 2004.
14. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008.
15. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. no 2. С. 10—31.
16. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001.
17. Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 5—30.
18. Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993.

References

1. Mikeshina, L.A. (2009). Hermeneutics. In: *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow: Canon+; Rehabilitation. (In Russ.).
2. Bakhtin, M.M. (2003). *Collected works: in 7 vols*. Vol. 1. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Truth and method. The basics of the philosophical hermeneutics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Bogin, G.I. (2001). Philological hermeneutics in Tver University. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 5, 86—91. (In Russ.).
5. Volkov, V.V. (2015). Semantic core of the concept “Human” in the light of Latin and Latinized nominations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 83—92. (In Russ.).
6. Volkov, V.V. (2020). “Digital economy”: Linguistic and linguoamental aspects. *Philology. Theory & Practice*, 7, 135—139. (In Russ.).
7. Aristotle (1983). *Works: in 4 vols*. Vol. 4. Moscow: Mysl. (In Russ.).
8. Mamardashvili, M.K. (2011). *Forms and content of thought*. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus. (In Russ.).

9. *Latest large explanatory dictionary of the Russian language* (2008) / ed. S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint. (In Russ.).
10. *Encyclopedia of philosophy* (1967). Moscow: Sovetskaya encyclopedia. Vol. 4. (In Russ.).
11. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976). *Latin-Russian dictionary*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
12. Rozanov, V.V. (2006). *On understanding. Experience in the study of nature, boundaries and internal structure of science as integral knowledge*. Moscow: Institute of philosophy, theology and history of St. Thomas. (In Russ.).
13. Dorot, V.L. & Novikov, F.A. (2004). *Explanatory dictionary of modern computer vocabulary*. Saint Petersburg: BHV-Petersburg. (In Russ.).
14. *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century: Current vocabulary* (2008) / ed. G. N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
15. Khoruzhiy, S.S. (2008). The problem of a posthuman, or transformative anthropology through the eyes of synergetic anthropology. *Filosofskie nauki*, 2, 10—31. (In Russ.).
16. *Literary encyclopedia of terms and concepts* (2001) / ed. & comp. A.N. Nikolyukin. Moscow: Intelvak. (In Russ.).
17. Novikov, L.A. (1984). Russian antonymy and its lexicographic description. In: Lvov M.R. *Dictionary of Russian antonyms*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
18. Losev, A.F. (1993). *Being — name — space*. Moscow: Mysl. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Волков Валерий Вячеславович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета; *e-mail*: volk7valery@yandex.ru. SPIN-code: 3792-6921.

Information about the author:

Valery V. Volkov, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Tver State University; *e-mail*: volk7valery@yandex.ru. SPIN-code: 3792-6921.